

ГЕНДЕРНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ И РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ТЕЛА У ЖЕНЩИН¹

© 2010 г. Т. А. Ребеко

*Кандидат психологических наук, зав. лабораторией психологии и психофизиологии индивидуальности им. Н.В. Небылицына, Институт психологии РАН, Москва;
e-mail: rebekota@yandex.ru*

Исследовалась репрезентация тела (реального, идеального, пополневшего, похудевшего) в двух группах женщин разного возраста (группа 1 – 40 чел., $M = 21.8$, группа 2 – 40 чел., $M = 45.6$). Использовалась компьютерная методика “Я-телесное”, позволяющая в режиме on-line изменять на 7 уровнях телесные параметры (плечи, талия, бедра, ноги). Гендерная идентичность оценивалась методикой МИФ. С помощью факторного анализа получены доминантные факторы, репрезентирующие телесные модели реального, идеального, пополневшего и похудевшего тела. Проведен анализ контрастов (в зависимости от типа гендерной идентичности выделялись телесные параметры). Показано, что в разных телесных моделях актуализируются разные типы гендера.

Ключевые слова: Я-телесное, телесные параметры, гендерная идентичность, модели тела (реальное, идеальное, пополневшее, похудевшее).

Понятие гендера, введенное в психологический глоссарий только в XX в., является своеобразным теоретическим “ответом” на проблему соотношения биологического–социального. В научной литературе гендер чаще всего соотносится с понятием биологического пола, и оба понятия рассматриваются в контексте детерминации психического развития и формирования идентичности. В отличие от пола, гендерная идентичность является “социальной категорией, изменяющейся в зависимости от культуры и даже от семьи к семье” [23, с. 225]. Как пол, так и гендер включает два полюса – маскулинность и фемининность. Конструкт маскулинности–фемининности не связан напрямую с биологическим полом. Однако “утверждение о том, что маскулинность является преимущественно (но не исключительно) мужским качеством, а фемининность женским, является научно обоснованным” [1, с. 46].

Многие авторы указывали на влияние культуры в целом и социального окружения в частности на формирование гендера. “Гендер следует понимать как пребывающий в контексте, а не просто как локализованный в индивиде” [9, с. 88].

О том, что гендерные стереотипы изменяются в истории культуры, свидетельствуют данные

современных культурологических и этнографических исследований. Например, некоторые стереотипы, связанные с материнством, являются культурно обусловленными. М.Э. Хардинг [8] обнаружила изменение поведенческих проявлений архетипа матери в разных культурах и эпохах.

Существенным компонентом гендерной идентичности является телесное Я. Многие авторы рассматривают телесный опыт в качестве базового в формировании как структур сознания, так и личностных структур. “Все, в общем, согласны с тем, что основа Собственного Я и отличие Собственного Я (самого себя) от объекта формируется путем интеграции телесного опыта с мысленным представлением (образом)” [4, с. 87]. А.Ш. Тхостов предлагает рассматривать «феномен тела» как «удобную модель для понимания феноменологии “своего” и “чужого”» [7, с. 66].

Образ тела является комплексным и многоаспектным конструктом, включающим многие переменные [16]. Е.Т. Соколова выделяет в структуре самосознания два компонента: образ физического Я как когнитивное образование и эмоционально-ценностное отношение (самооценка) как аффективное образование [5]. Образ тела “включает связанные с собственным телом перцепции и установки, в том числе мысли, верования, чувства и программы поведения” [11, с. 2].

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проекты 06-06-388а и 09-06-00333а).

Однако до сих пор остается неясным следующее: или телесный опыт является исходным и детерминирует структуру идентичности, или идентичность «реализуется» или выражается посредством телесного опыта. Наиболее отчетливо оппозиция телесности и идентичности выражена в противопоставлении телесной самости (*bodily self*) и самости, “воплощенной” в теле, или “самости в теле” (*the self in the body, embodied self*) [14].

Во многих исследованиях телу отводится “центральная роль” в построении идентичности. По словам М.М. Бахтина, “собственное тело для нас прототип и ключ всех форм” (цит. по: [7, с. 66]).

Выделение нозологической категории “алекситимии” можно рассматривать как подтверждение первичности “телесного опыта”, дефект которого проявляется в симптомокомплексе личностных нарушений. М.П. Ливайн и Н. Пайран [15] описали конструкт, названный “нарушенным воплощением” (*disrupted embodiment*). Этот конструкт включает недоверие к своему телу, опыт нарушенного переживания своего тела как источника значимых потребностей, удовольствия, ухода и силы. Например, в исследовании Д. Вила было показано, что пациенты, страдающие дисморфофобическими расстройствами, придают большее значение тем частям тела, которые оцениваются ими как дефектные. Эти больные сверхидентифицируют себя (свою самость) со своей внешностью, и «внешность оказывается в центре “персонального домена”» [22, с. 117].

Описанные факты подтверждают тезис о том, что “нарушенная” репрезентация телесности влечет за собой спектр деформаций личности и идентичности.

Однако столь же неопровержимыми являются доказательства первичности “самости”, репрезентирующей себя на языке тела. Прежде всего в пользу первичности самости свидетельствуют данные о влиянии культурных стереотипов на “оценку” внешности и тела. При таком подходе телесный опыт рассматривается как “своеобразный” отклик на социальный запрос.

Большое значение в генезе неудовлетворенности телом играют социокультурные факторы, в частности сравнение своего физического облика с обликом сверстников. Неудовлетворенность телом приводит к негативным эмоциям, неадаптивным мыслям (страх негативной социальной оценки), заниженной самооценке и “неблагоприятному образу тела”, “негативным паттернам по-

ведения (чрезмерному социальному избеганию)” [17, с. 84].

Общеизвестно, что идеалы красоты изменяются в ходе истории. Современные исследования, посвященные влиянию модельного бизнеса и средств массовой информации на формирование критериев “привлекательности”, доказывают факт социальной обусловленности установок в отношении телесности [12]. Подтверждением факта культурного влияния на оценку тела и внешности могут служить исследования, проведенные на материале косметологии: в последнее десятилетие не только расширился спектр “запросов” по оперативному изменению внешнего облика, но и репертуар мишеней “оперативного воздействия” [19].

Не только идеал красоты, но и значимость данного параметра в структуре идентичности обусловлена “культурально”. М. Тиггеманн [21] полагает, что хотя концепт физической самости важен для обоих полов, однако для женщин привлекательность более значима, что в свою очередь оказывает большее влияние на самооценку в целом. С. Вилкоккс также указывает на большую значимость параметра “Красота тела” для женщин (по сравнению с мужчинами): “Женщины в нашем обществе приобретают статус и ценность с помощью внешности, тогда как мужчины могут приобретать статус посредством более широкого круга качеств, таких как интеллект, здоровье и сила” (цит. по: [21, с. 31]). Социальная детерминация проявляется в отношении к изменениям внешности в результате старения. Более высокая валентность красоты у женщин выражается в их большей озабоченности по поводу влияния “возраста на их внешность” [там же].

Зависимыми от эпохи и культуры являются “стереотипические гендерные нормы и ожидания относительно мужчин и женщин, включая ожидания общества по поводу того, как мужчины и женщины влюбляются и испытывают сексуальные желания” [9, с. 86–87]. Так, например, отношение к женской сексуальности претерпело значительное изменение на протяжении последнего столетия. Только в XX столетии женская сексуальность перестала быть табуированной. (Ср.: согласно мифу, Гера ослепила Тиресия за его предположение, будто женщина может испытывать сексуальное удовольствие.) Оценивая свою внешность, женщины ориентируются в том числе и на имплицитные представления о своей привлекательности для мужчин. При этом ожидания могут быть ошибочными. Например, часто

женщины переоценивают степень худощавости, притягательной для мужчин [13].

Гендерная идентичность формируется в ходе онтогенеза и проходит путь дифференциации от “бессознательной идентичности” (возникающей при взаимодействиях ребенка с отцом и матерью) до гендерной определенности. [18, с. 66]. Зрелая гендерная идентичность (в противоположность “гендерной спутанности”) характеризуется устойчивостью образа телесного Я и одновременно лабильностью, позволяющей непротиворечно интегрировать культурные нормы и индивидуальные представления о себе.

По мере взросления происходит дифференциация гендерных структур своего пола и их отделения от структур противоположного пола. Как правило, больше осознается идентичность, связанная со своим полом, и «меньше осознается (или не осознается) “Другой”, или лицо противоположного пола» [23, с. 225].

М. Блейз, изучая одежду, предпочитаемую детьми, пришла к выводу, что “наиболее очевидным и выраженным способом, каким дети формируют гендер и идентифицируют себя либо как лиц женского рода, либо как мужского, является то, как они предьявляют себя физически как гендерные существа” [9, с. 93]. В исследовании, проведенном В.А. Лабунской, показано, что прически имеют атрибут фемининности, маскулинности и андрогинности [2].

Обобщенная схема формирования гендерной идентичности имеет половую специфику: отмечается существенное различие в линиях развития гендерной идентичности у девочек и мальчиков, особенно начиная с периода позднего детства.

Формирование “зрелой” женской гендерной идентичности сопряжено с двумя классами “осложнений”: во-первых, дочь и мать имеют один пол, поэтому женщине сложнее отделить себя от матери и построить взрослые сепаратные отношения. “Дочь, – пишет Дж. Шаверин, – сталкивается с трудностью разделения пола и гендерной роли, так как она идентифицирует себя со своей матерью” [20, с. 34]. Во-вторых, тип современной социальной культуры и ценностей, фиксирующий преимущественно мужские образцы поведения, предьявляет дополнительные требования к модификации традиционных форм женской идентичности.

Описанная ситуация формирования идентичности предполагает как освоение собственно женской идентичности, так и “отклик” на социальные запросы.

Модель идентичности включает телесный опыт, или телесное Я. Телесное Я представлено спектром латентных моделей тела (реального, идеального, измененного). Данное утверждение позволило нам сформулировать *теоретическую гипотезу*: зрелая гендерная идентичность сопряжена с большим разнообразием телесных моделей.

При формулировании *исследовательских гипотез* мы исходим из допущения о сопряженности уровня сформированности идентичности с возрастом, т.е. о более зрелой идентичности у женщин среднего возраста (в нашем исследовании это группа 2) по сравнению с молодыми (группа 1). Соответственно предполагается, что женщины среднего возраста отличаются от молодых большей вариативностью в репрезентации реального, идеального и измененного тела.

Цель исследования состояла в выявлении телесных параметров, используемых при репрезентации реального, идеального, измененного тела в двух возрастных группах женщин.

МЕТОДИКА

Участники исследования – 80 чел., из которых были составлены две возрастные группы: 40 **молодых** женщин (**группа 1**) в возрасте от 19 до 28 лет ($M = 21.8$) и 40 женщин **среднего возраста**² (**группа 2**) от 38 до 55 лет ($M = 45.6$). Испытуемые приглашались к исследованию на добровольной основе. Им предлагалось принять участие в исследовании, изучающем, какими словами в обыденном языке “обзывают” полных и худых женщин. Результаты выполнения данного задания не анализировались.

Использовалась компьютерная методика “Телесное Я” [6], представляющая собой модифицированный вариант методики Фэллона и Розина [(Fallon, Rozin, 1985); цит по: 21], в которой испытуемым предлагалось выбрать силуэты женских фигур.

В отличие от описанной методики, наши испытуемые имели возможность в режиме *on-line* конструировать силуэты женских фигур, многократно изменять отдельные параметры тела. Использовались четыре телесных параметра: плечи, талия, бедра, ноги (**ПЛ**, **ТЛ**, **БДР**, **НГ**). Каждый из телесных параметров изменялся на 7 уровнях (нулевой уровень соответствовал нормативным

² Для обозначения данной группы использовался также термин “зрелые женщины”.

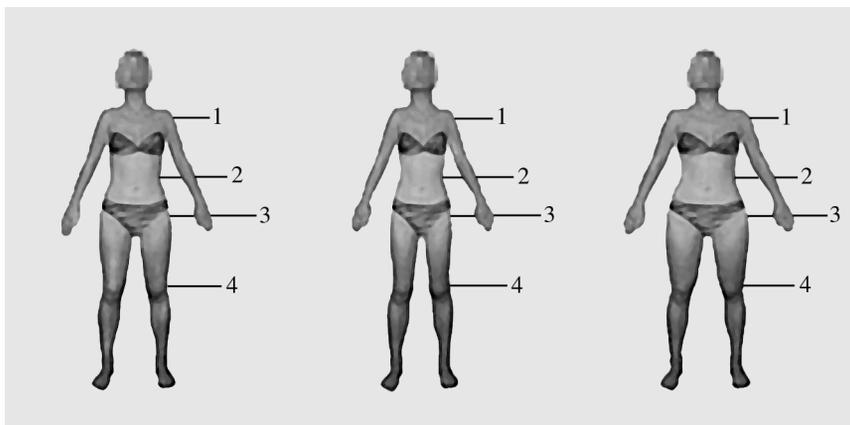

Рис. 1. Исходное изображение нормативного тела молодой/зрелой женщины. Изображения фигур, все параметры которых изменены на 1 шаг в сторону сужения/расширения. Цифрами отмечены параметры фигуры, которые испытуемые имели возможность изменять: 1 – плечи, 2 – талия, 3 – бедра, 4 – ноги.

пропорциям тела, 3 уровня в сторону расширения и 3 уровня в сторону сужения отдельных параметров тела) (примеры стимульного материала приведены на рис. 1. Последовательность выборов и время выполнения задания в настоящем исследовании не анализируются.

Процедура. Перед началом основного эксперимента испытуемым предлагалось изобразить тело подруги. Цель данной части исследования состояла в обучении испытуемых программе и снятии напряжения.

Основной эксперимент состоял из четырех серий:

1. Испытуемые изображали, как бы хотели выглядеть в идеале.
2. Испытуемым предлагалось закончить рассказ, в котором похудевшая женщина сталкивалась с ситуацией социального отвержения. Требовалось выбрать прозвище для молодой/зрелой женщины, которая резко похудела, и построить “телесный портрет” похудевшей молодой/зрелой женщины (“спичка”, “глиста”, “макаронина”, “дистрофик”, “скелет”, “жердь”, “вобла”, “кожа-дакости”, “рахитик”).
3. Испытуемым предлагалось закончить рассказ, в котором поправившаяся молодая (или среднего возраста) женщина сталкивалась с ситуацией социального отвержения; выбрать прозвище для молодой/зрелой женщины, которая резко потолстела, и построить “телесный портрет” потолстевшей молодой/зрелой женщины (“жиртреска”, “сало”, “корова”, “сарделька”, “колобок”, “свинья”, “пышка”, “жирдяйка”, “типпопотам”).

4. Изобразить себя (реальное тело).

Исследование проводилось в рамках дипломной работы Ю. Такташевой. Экспериментальный план второго и третьего заданий (составление рассказа, выбор прозвища) был разработан для того, чтобы уменьшить психологические защиты, связанные с изменением тела. Задание на изображение похудевшего/поправившегося тела рассматривалось как ситуация, актуализирующая ментальные модели возможных изменений собственного тела.

Фиксировались значения телесных параметров при выполнении каждого из четырех условий исследования, т.е. для силуэтов реального тела молодой/зрелой (М/З) женщины (МР/ЗР), идеального тела (МИ/ЗИ), похудевшего (МХ/ЗХ) и поправившегося (МП/ЗП) тела. После этого определялась гендерная идентичность с помощью бланковой методики МИФ. Использовались следующие индексы при обработке МИФ: 1 – феминность, 2 – маскулинность, 3 – андрогинность, 4 – недифференцированность.

Исходное (нормативное) изображение тела (см. рис. 1) было одинаковым во всех четырех сериях: все телесные параметры имели нулевое значение.

РЕЗУЛЬТАТЫ

При анализе телесных параметров, используемых в двух подгруппах и при выполнении четырех заданий, использовалась единая последовательность обработки данных. На первом этапе использовался метод частной корреляции. “Частная корреляция (ее изменение при стабилизации

какого-либо параметра) позволяет оценить, насколько связь каждого из параметров обуславливает корреляционную связь других параметров” [3, с. 150]. На следующем этапе обработки проводился факторный анализ, а затем с помощью дисперсионного анализа выявлялись контрасты для телесных параметров в каждой серии.

Такой расчет позволяет выявить телесные параметры, которые сопряжены с разными типами гендерной идентичности при репрезентации реального, идеального, похудевшего и пополневшего тела в двух группах испытуемых.

Анализ стабильности связей между телесными параметрами позволяет фальсифицировать выдвинутую гипотезу о разной вариативности в репрезентации реального/идеального, похудевшего/пополневшего тела в двух группах женщин.

Анализ корреляций. При репрезентации реального тела в двух группах испытуемых все телесные параметры попарно связаны, т.е. в репрезентации реального тела “используют” все параметры. В группе 1 фактор МИФ коррелирует с телесными параметрами (ПЛ, НГ) лишь как тенденция, в группе 2 не выявлено корреляции фактора МИФ с телесными параметрами. Расчет частной корреляции для фактора МИФ и сравнение корреляционных матриц позволяет выделить связи, обусловленные фактором МИФ. В группе 1 снижается достоверность связи ПЛ–ТЛ и исчезает связь ПЛ–НГ, а в группе 2 возрастает сила связи ПЛ–БДР.

Результаты корреляций приведены в табл. 1.

Идеальное тело в группе 1 описывается посредством трех связей, и все они связаны с ТЛ (ПЛ–ТЛ, БДР–ТЛ, НГ–ТЛ). Фактор МИФ имеет связь с параметром ПЛ. Учет вклада фактора МИФ (по результатам частной корреляции) свидетельствует о том, что сила выявленных ранее связей не изменилась, однако возникает новая связь: ПЛ–БДР. Эта новая связь, будучи невыраженной в общей матрице корреляций, проявляется только при фиксированных значениях фактора МИФ.

При репрезентации идеального тела в группе 2 используются все телесные связи, однако все три связи с НГ (ПЛ–НГ, ТЛ–НГ, БДР–НГ) значимы только на уровне тенденции, так что правомерно говорить об исчезновении всех надежных связей с НГ по сравнению с репрезентацией реального тела.

Ситуация “пополнения” репрезентируется в группе 1 посредством четырех телесных связей. Менее всего выражен параметр ТЛ, с которым

отсутствуют две связи: БДР–ТЛ и НГ–ТЛ; единственная телесная связь (ПЛ–ТЛ) – отрицательная; параметр ТЛ также имеет отрицательную связь с фактором МИФ. Учет влияния гендерной идентичности (по результатам частной корреляции) выражается в изменении структуры связей, а именно: в незначительном усилении связи ПЛ–ТЛ и в существенном ослаблении связи ПЛ–НГ. Тело “пополневшей” зрелой женщины описывается посредством пяти связей (отсутствует связь ПЛ–НГ), которые не имеют связей с фактором МИФ. Однако результаты частной корреляции свидетельствуют о том, что влияние МИФ выражается в усилении связи ТЛ–БДР.

Репрезентация похудевшего тела в группе 1 выражается посредством четырех телесных связей. Максимальное число связей имеет параметр НГ, с которым достоверны все связи. Фактор МИФ связан (в качестве тенденции) с ПЛ. Учет влияния фактора МИФ не изменяет структуру связей.

В группе 2 похудевшее тело также репрезентируется четырьмя связями (связь ПЛ–НГ на уровне тенденции). При этом фактор МИФ достоверно связан с параметром НГ, со всеми же остальными параметрами – только на уровне тенденции. Влияние фактора МИФ выражается в уменьшении достоверности связи БДР–НГ и в исчезновении связи ПЛ–НГ. По результатам частной корреляции “похудевшая” женщина выражается посредством двух достоверных связей с ТЛ (БДР–ТЛ, НГ–ТЛ), при этом третья связь – ПЛ–НГ – выражена лишь на уровне тенденции.

Как показывают данные корреляционного анализа, репрезентации реального тела у женщин групп 1 и 2 выражены посредством максимального количества попарных связей, т.е. в репрезентации реального тела как молодые, так и зрелые женщины “используют” все телесные параметры. Фактор МИФ оказывает неконгруэнтное влияние на параметры ПЛ и НГ в группе 1, что приводит к разрыву связи между ними. В группе 2, напротив, фактор МИФ оказывает единообразное влияние на параметры ПЛ и БДР, что приводит к укреплению связи между ними.

Содержательная интерпретация данного факта состоит в том, что у молодых женщин в зависимости от гендера параметр ПЛ порождает вариативные связи с параметрами ТЛ и НГ. Модель тела у зрелых женщин включает неизменный конструкт ПЛ–БДР при актуализации любого типа гендерной идентичности.

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа

MP		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ	
	ПЛ		<u>,5747</u>	<u>,6653</u>	<u>,3946</u>	-,2950	
	ТЛ			<u>,6296</u>	<u>,5997</u>		
	БДР				<u>,5230</u>		
	НГ					-,2921	
	Частная корреляция для МИФ						
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ		
	ПЛ		<u>,4598</u>	<u>,5859</u>	<u>,0733</u>		
	ТЛ			<u>,5633</u>	<u>,5983</u>		
	БДР				<u>,4323</u>		
НГ							
МИ		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ	
	ПЛ		<u>,4859</u>			<u>,3294</u>	
	ТЛ			<u>,3473</u>	<u>,3237</u>		
	Частная корреляция для МИФ						
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ		
	ПЛ		<u>,5146</u>	<u>,1268</u>			
ТЛ			<u>,3482</u>	<u>,3264</u>			
МП		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ	
	ПЛ		-,4041	,4574	,6856		
	ТЛ					-,4679	
	БДР				,5930		
	Частная корреляция для МИФ						
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ		
	ПЛ		<u>-,4231</u>	<u>,4506</u>	<u>,5756</u>		
ТЛ							
БДР				<u>,5640</u>			
MX		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ	
	ПЛ				,2874	,3081	
	ТЛ			<u>,6071</u>	<u>,4589</u>		
	БДР				<u>,3924</u>		
	Частная корреляция для МИФ						
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ		
	ПЛ				,3021		
ТЛ			<u>,6124</u>	<u>,4576</u>			
БДР				<u>,3959</u>			

ЗР		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ
	ПЛ		<u>.6802</u>	<u>.5762</u>	<u>.4996</u>	
	ТЛ			<u>.6631</u>	<u>.8008</u>	
	БДР				<u>.6775</u>	
	Частная корреляция для МИФ					
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	
	ПЛ		<u>.6941</u>	<u>.6331</u>	<u>.5142</u>	
	ТЛ			<u>.6716</u>	<u>.8003</u>	
	БДР				<u>.6833</u>	
	НГ					
ЗИ		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ
	ПЛ		<u>.5638</u>	<u>.2964</u>	,3693	
	ТЛ			<u>.3748</u>	,3608	
	БДР				,3539	<u>.3729</u>
	Частная корреляция для МИФ					
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	
	ПЛ		<u>.5638</u>	.3745	,3725	
	ТЛ			<u>.3874</u>	,3268	
	БДР				.2877	
	НГ					
ЗП		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ
	ПЛ		<u>.4791</u>	<u>.5624</u>	<u>.4932</u>	
	ТЛ			<u>.6253</u>		
	БДР				<u>.4020</u>	
	Частная корреляция для МИФ					
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	
	ПЛ		<u>.5064</u>	.6054	<u>.5070</u>	
	ТЛ			.7090		
	БДР				<u>.3827</u>	
	НГ					
ЗХ		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	МИФ
	ПЛ				,2874	,2733
	ТЛ			<u>.6071</u>	<u>.4589</u>	,2675
	БДР				<u>.3924</u>	,3340
	НГ					<u>.4395</u>
	Частная корреляция для МИФ					
		ПЛ	ТЛ	БДР	НГ	
	ПЛ					
	ТЛ			<u>.4921</u>	<u>.4241</u>	
	БДР				,3285	

Примечание. Подчеркнуты значимые связи. Темным шрифтом обозначены связи, значимые при $p \leq 0.05$; светлым шрифтом обозначены связи, значимые на уровне тенденции (при $p \leq 0.07$).

Идеальное тело в группе 1 описывается посредством трех связей, и все они связаны с ТЛ. Фактор МИФ имеет отрицательную связь с ПЛ. Учет влияния гендерной идентичности выражается в появлении новой связи: ПЛ–БДР. Иными словами, фактор МИФ “упорядочивает” несогласованную вариативность параметров ПЛ и БДР, что выражается в появлении связи между ними (ср. отсутствие связи в полной корреляционной матрице и результаты частных корреляций).

При репрезентации идеального тела в группе 2 используются все связи. Однако все связи с НГ (ПЛ–НГ, ТЛ–НГ, БДР–НГ) значимы только на уровне тенденции. Фактор МИФ имеет положительную связь с БДР. Учет влияния фактора МИФ выражается в снижении уровня достоверности связи ПЛ–БДР.

Можно увидеть некоторое единообразие в репрезентации идеального тела в двух группах: во-первых, исчезают (или ослабляются) связи с параметром НГ; во-вторых, фактор МИФ оказывает влияние (хоть и противоположное) на связь ПЛ–БДР.

Если мы сравним репрезентации реального и идеального тела в каждой выборке, то увидим, что в репрезентации идеального тела в группе 1 (по сравнению с реальным) утрачиваются связи ПЛ–НГ и БДР–НГ. Можно сказать, что идеальное тело молодых женщин “теряет” связи с НГ при одновременном ослаблении прочих значимых связей.

Идеальное тело зрелой женщины “напоминает” реальное (по представленности всех связей), однако это сходство значимо только на уровне тенденции. Если рассматривать надежные связи, то в идеальном теле женщин группы 2 “ослабляются” все надежные связи с НГ, и фактор МИФ оказывает противоположное влияние на связь ПЛ–БДР (при репрезентации реального тела имеется связь ПЛ–БДР, при репрезентации идеального тела данная связь отсутствует). Таким образом, идеальное тело у молодых женщин лишено стержневого конструкта, присущего реальному телу – ПЛ–БДР.

Иными словами, идеальное тело женщин группы 1 представляет собой “ослабленный” вариант реального тела (без НГ), тогда как идеальное тело женщин группы 2 репрезентируется моделью, которая существенно отличается от модели реального тела. Этот результат отчасти подтверждает нашу гипотезу о большем разно-

образии репертуара телесных моделей у зрелых женщин по сравнению с молодыми (в отношении реального и идеального тела).

При репрезентации пополневшего тела в группе 1 изымаются две связи с параметром ТЛ (т.е. связи, репрезентирующие идеальное тело), тем не менее имеется отрицательная связь параметра ТЛ с фактором МИФ. Если принять во внимание тот факт, что ТЛ – доминирующий параметр, участвующий при описании идеального тела у молодых женщин, то можно допустить следующее: ситуация пополнения противоположна ситуации “идеала”. Так как корреляционный анализ не выявляет направление связи, правдомерными оказываются два предположения: идеальное тело молодых женщин максимально похоже на анти-пополневшее тело или пополневшее – на анти-идеальное.

Тело пополневшей зрелой женщины больше всего напоминает (по количеству телесных связей и отсутствию связей с фактором МИФ) реальное тело, при этом влияние фактора МИФ в репрезентации реального тела у женщин среднего возраста выражается в усилении связи ПЛ–БДР, а при репрезентации тела пополневшей зрелой женщины – в усилении связи ТЛ–БДР.

Если сравнить репрезентацию “полноты” в двух группах, то наиболее явное различие выявлено в отношении параметра ТЛ: в группе 1 данный параметр образует одну отрицательную связь с ПЛ, в группе 2 параметр ТЛ “усиливается” (образует две положительные связи с ПЛ и БДР).

Похудевшая молодая женщина репрезентируется преимущественно через достоверную выраженность двух связей с НГ. Фактор МИФ, связанный в качестве тенденции с параметром ПЛ, не изменяет структуру связей. Доминирование параметра НГ в репрезентации похудевшего тела в группе 1 и неизменность структуры связей (независимо от влияния фактора МИФ) позволяет говорить об устойчивой репрезентации похудевшего тела у молодой женщины посредством параметра НГ.

Тело похудевшей зрелой женщины группы 2 (по результатам полной корреляционной матрицы) описывается четырьмя связями (сокращены связи с ПЛ). Фактор МИФ достоверно связан с НГ, со всеми же остальными параметрами – также только на уровне тенденции. Влияние фактора МИФ выражается в уменьшении достоверности связи БДР–НГ и исчезновении связи ПЛ–НГ. По результатам частной корреляции

похудевшая женщина среднего возраста выражается посредством двух достоверных связей с ТЛ (БДР–ТЛ, НГ–ТЛ), при этом третья связь – ПЛ–НГ – выражена лишь на уровне тенденции. Таким образом, можно сказать, что в ситуации похудения в группе 2 ослабляются связи с НГ и остаются две достоверные связи с ТЛ (БДР–ТЛ, НГ–ТЛ).

Если сравнивать ситуацию похудения в двух группах, то явно выражены разнонаправленные тенденции в отношении параметра НГ: ситуация похудения репрезентируется в группе 1 максимальной представленностью параметра НГ, а в группе 2 – ослаблением связей с данным параметром. Обобщенный портрет похудевшего тела представлен у молодых женщин группы 1 посредством параметра НГ, похудевшая зрелая женщина (группа 2) выражается посредством двух достоверных связей с ТЛ.

Используя “телесную” метафору, можно сказать, что молодые женщины “полнеют”, утрачивая связи с ТЛ, а “худеют” за счет подчеркивания параметра НГ и утраты параметра ПЛ. У зрелых женщин “полнеет” все тело, в котором доминирует связь БДР–ТЛ, а “худеет” “уменьшенное” тело, сведенное до двух связей с ТЛ, с “ослабленными” НГ и полностью утратившее параметр ПЛ.

Рассматривая ситуации пополнение–похудение как “взаимоисключающие”, мы имеем возможность проверить гипотезу “дополнительности”, согласно которой репрезентация пополневшего тела представляет собой зеркальное отображение репрезентации похудевшего тела.

В качестве одной из таких “симметрий” в ситуации пополнения–похудения можно рассмотреть параметр ТЛ: при пополнении в группе 1 нет телесных связей с ТЛ, а при похудении параметр ТЛ представлен в двух (из трех) надежных связей.

Отчасти “симметрия” наблюдается у зрелых женщин в отношении параметра ПЛ. Как уже говорилось, пополневшая женщина группы 2 репрезентируется максимальной представленностью параметра ПЛ (всеми связями с ПЛ). Похудевшая же зрелая женщина (если при описании ее репрезентации использовать термин “отсутствие”) характеризуется прежде всего отсутствием параметра ПЛ.

Однако далеко не все связи одного состояния можно интерпретировать как “антисвязи” противоположного состояния.

Например, в репрезентации пополневшего тела в группе 1 (под влиянием фактора МИФ) уменьшается связь ПЛ–НГ, а при репрезентации похудевшего тела эта связь остается без изменений (на уровне тенденции). Уменьшение силы связи ПЛ–НГ в ситуации пополнения, скорее, “напоминает” отсутствие данной связи при репрезентации идеального тела.

Иная содержательная интерпретация “ослабленной” связи ПЛ–НГ в ситуации пополнения как противоположной ситуации похудения предполагает апелляцию к параметру НГ, который “усиливается” в ситуации похудения (репрезентация похудевшего тела в группе 1 выражается посредством максимального числа связей с параметром НГ). В таком случае ситуация пополнения (как “изымание” ключевого для похудения параметра – НГ) может рассматриваться как противоположная ситуации похудения.

Как и в случае молодых женщин (группа 1), ситуация похудения в группе 2 также может быть описана через доминирование связей с параметром ТЛ, который не ослабляется, а “усиливается” в ситуации пополнения. Иными словами, в отношении данного параметра в группе 2 не наблюдается “симметрии”.

Итак, противоположные ситуации (пополнение–похудение) репрезентируются, скорее, зеркально как в группе 1, так и в группе 2, однако существенных различий в двух группах испытуемых не выявлено. Так что гипотеза “дополнительности” справедлива в равной мере для двух групп испытуемых.

Анализ корреляций позволил выделить телесные параметры и их связи, с помощью которых репрезентируется тело у женщин обеих групп в разных ситуациях. Между тем многие из обнаруженных связей не имеют однозначной содержательной интерпретации.

На следующем этапе обработки данных был проведен факторный анализ (методом главных компонент). При проведении факторного анализа мы не использовали вращений, что позволило интерпретировать факторы в терминах исходных параметров. Большинство факторных решений имело размерность, равную двум. В тех случаях, когда размерность равнялась 1, мы проводили вычисление для двухмерного пространства (при этом неизменными оставались оппозиции параметров по главному фактору).

Группа 1	Распределение телесных параметров	Группа 2	Распределение телесных параметров
MP <u>ПЛ-НГ</u> ПЛ ,804 -,478 ТЛ ,858 ,132 БДР ,865 -,202 НГ ,755 ,590		ЗР <u>ПЛ-БДР</u> ПЛ ,815 ,572 ТЛ ,893 -,115 БДР ,876 -,323 НГ ,902 -8,227E-02	
МИ <u>БДР-ПЛ</u> ПЛ -,680 -,577 ТЛ -,869 -6,093E-02 БДР -,538 -,753 НГ -,535 -7,528E-02		ЗИ <u>ПЛ-БДР</u> ПЛ 4,379E-02 ,957 ТЛ ,732 ,548 БДР ,750 -,528 НГ ,831 -5,719E-02	
МП <u>ПЛ-ТЛ</u> ПЛ ,875 -,150 ТЛ -,423 ,880 БДР ,765 ,294 НГ ,859 ,325		ЗП <u>ТЛ-БДР</u> ПЛ ,940 -,131 ТЛ 8,334E-02 ,888 БДР ,500 -,498 НГ ,891 ,335	
МХ <u>ПЛ-НГ</u> ПЛ ,750 -,509 ТЛ ,726 -,382 БДР ,769 ,408 НГ ,801 ,515		ЗХ <u>ПЛ-НГ</u> ПЛ ,334 ,684 ТЛ ,951 -,170 БДР ,839 -,469 НГ ,465 ,710	

Рис. 2. Результаты факторного анализа (репрезентация тела – реального, идеального, пополневшего, похудевшего в группах 1 – левая часть и 2 – правая).

Выделен главный фактор для каждой ситуации. Подчеркиванием обозначен телесный параметр, в отношении которого рассчитан контраст.

На рис. 2 приведены факторные решения для всех ситуаций. Главные факторы и их параметры приведены в табл. 2.

Анализ факторных решений показал:

1. При репрезентации тела во всех сериях в группе 1 в качестве полюса главного фактора всегда присутствует параметр ПЛ; в группе 2 в

качестве полюса главного фактора выступает параметр БДР.

2. Репрезентация реального тела различается в группах 1 и 2 (соответственно ПЛ–НГ и ПЛ–БДР), а репрезентация идеального тела совпадает в двух экспериментальных группах (ПЛ–БДР).

Таблица 2. Параметры главного фактора

Эксп. ситуация	Параметры главного фактора	Эксп. ситуация	Параметры главного фактора
МР	<u>ПЛ–НГ</u>	ЗР	ПЛ– <u>БДР</u>
МИ	<u>ПЛ–БДР</u>	ЗИ	ПЛ– <u>БДР</u>
МП	<u>ПЛ–ТЛ</u>	ЗП	<u>ТЛ–БДР</u>
МХ	ПЛ– <u>НГ</u>	ЗХ	<u>НГ–БДР</u>

Примечание. Подчеркиванием выделены контрасты.

3. В группе 1 совпадает репрезентация реального и похудевшего тела (ПЛ–НГ). В группе 2 совпадает репрезентация реального и идеального тела (ПЛ–БДР).

4. Ситуация пополнения и в группе 1, и в группе 2 репрезентируется посредством параметра ТЛ, дополняющего неизменные для этих возрастных групп параметры – ПЛ и БДР.

5. Ситуация похудения в группе 1 и в группе 2 репрезентируется посредством параметра НГ, дополняющего неизменные для женщин данных групп параметры – ПЛ и БДР.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты подтверждают эмпирическую гипотезу о различии телесных параметров, используемых для репрезентации реального, идеального и “измененного” образа тела в двух возрастных группах.

Однако для составления “целостного” представления о репрезентации тела в разных ситуациях необходимо сравнить между собой результаты, полученные при анализе факторных решений и при интерпретации корреляционных матриц.

Прежде всего выделим те ситуации, в отношении которых результаты двух расчетов “согласуются”.

Репрезентация реального тела у женщин группы 2 описывается параметрами ПЛ–БДР, и данная связь выделяется в корреляционном анализе. Главным фактором при описании группы 1 является ось ПЛ–БДР, и именно эта связь была выделена в качестве зависимой от МИФ при расчете частной корреляции. Помимо этого нашло подтверждение заключение о том, что модель “идеального” тела у молодых женщин “утрачивает” связи с НГ по сравнению с моделью “реального” тела (действительно, в факторном пространстве параметр НГ “не выделен”).

Различие в репрезентации реального и идеального тела часто используется как индекс неудовлетворенности телом [10]. По результатам нашего исследования можно утверждать, что группа 1 обнаруживает большую неудовлетворенность телом по сравнению с группой 2. Эти данные согласуются с результатами Ребуссена (*B.A. Reboussin*; цит по: [21]), показавшего, что в преклонном возрасте возрастает неудовлетворенность функциональными признаками тела, а не внешностью.

Получено соответствие между корреляционным и факторным анализом в отношении репрезентации пополневшего тела у женщин группы 2.

Описывая “похудевшую” молодую женщину (группа 1), мы указывали на максимальную представленность НГ – этот параметр входит в фактор ПЛ–НГ, полученный методом факторного анализа. “Пополневшая” молодая женщина (группа 1) описывалась по результатам корреляционного анализа через “ослабленность” параметра ТЛ и двух его связей (БДР–ТЛ и НГ–ТЛ). В факторном анализе выявился фактор, который можно рассматривать как содержащий компенсаторную связь с ТЛ, а именно ПЛ–ТЛ (напомним, что эта связь была отрицательной).

Однако три результата требуют дополнительного пояснения.

Во-первых, полученные факторные решения позволяют предположить, что реальные молодые женщины “видят себя” похудевшими и репрезентируют себя посредством связи ПЛ–НГ, однако это заключение противоречит выводу, полученному по матрице корреляций. (Напомним, что по результатам корреляций у МР исчезает связь ПЛ–НГ.) Для объяснения полученного результата необходимо учесть отрицательное влияние МИФ (в качестве тенденции) на ПЛ и НГ: исчезновение связи ПЛ–НГ теоретически возможно только в том случае, если вариативность ПЛ не связана с вариативностью НГ.

Содержательно данный результат представляется обоснованным. Томпсон с соавторами (*J.K. Thompson et al.*) указывают на “интернализацию худощавого идеала красоты” и на “тенденцию сравнивать свой вес и формы с массой тела других людей, таких как приятели и звезды” (цит по: [15, с. 60]).

Во-вторых, совпадение главных параметров (ПЛ–БДР) у МР и ЗИ (группа 2) также нуждается в разъяснении. Действительно, как мы уже говорили при анализе корреляций, в репрезентации реального и идеального тела у зрелых женщин

представлены все связи, хотя в идеальном теле (по сравнению с реальным) у них “ослабляются” НГ и снижается уровень достоверности связи ПЛ–БДР, а в реальном теле возрастает сила связи ПЛ–БДР. Появление исчезнувшей связи в качестве главного фактора объяснимо только в том случае, если влияние фактора МИФ на БДР (у ЗИ) имеет модульный характер, снижающий достоверность связи ПЛ–БДР, а в случае ЗР – более “конгруэнтный” с вариативностью ПЛ. Содержательно данный результат может отчасти объясняться данными, полученными в ходе изучения неудовлетворенности телом у зрелых женщин. Как указывает М. Тигеманн, меньшее недовольство телом “во многом опосредовано когнитивным контролем”, смягчающим негативный аффект (цит. по: [21, с. 35]).

В-третьих, главный фактор в случае изображения ЗХ (группа 2) описывается посредством параметров НГ–БДР, однако по результатам корреляционного анализа данная связь отсутствует. Как и в предыдущем случае, полученный результат можно объяснить тем, что параметр НГ, связанный с фактором МИФ, варьирует независимо от БДР, но при этом вариативность НГ определяет факторную структуру в целом.

Принимая во внимание возможное объяснение полученного несоответствия, можно выделить “общий” параметр, ответственный за ситуацию похудения в группах 1 и 2. В обеих группах “похудение” связано с параметром НГ. Такое же сопоставление групп 1 и 2 в ситуации пополнения позволяет выделить “общий” параметр: у женщин этих групп “полнота” связана с параметром ТЛ.

При интерпретации результатов корреляционного и факторного анализа мы апеллировали к понятию “вариативность” того или иного параметра. Следующий этап обработки данных состоит в выявлении данной вариативности при анализе контрастов, полученных посредством непараметрического дисперсионного анализа. Сравнение контрастов позволяет выявить те значения фактора МИФ, которые обуславливают вариативность телесных параметров. В качестве зависимой переменной использовались телесные параметры (выделенные ранее в факторном анализе), в качестве независимой переменной – номинальная величина гендерной идентичности (МИФ).

Параметры, в отношении которых получены контрасты, мы рассматриваем как ответственные за вариативность корреляционных связей и в качестве “направляющих” в факторных пространствах (см. рис. 3).

Анализ контрастов в совокупности с факторными решениями позволяет нам по-новому проинтерпретировать полученные данные.

Рассмотрим сначала контрасты для сходных факторных пространств. Сравним факторные пространства для ЗР и ЗИ, которые описываются параметрами ПЛ–БДР.

В ситуации репрезентации реального тела у женщин группы 2 получен контраст по параметру БДР при МИФ=2 и МИФ=3, а в ситуации репрезентации идеального тела получен контраст по параметру БДР при МИФ=1 и МИФ=4. Иными словами, несмотря на видимую схожесть структур реального и идеального тела, параметр БДР при описании реального тела “разделяет” маскулинную и андрогинную идентичности (узкие бедра при МИФ=2 и широкие – при МИФ=3), а при описании идеального тела параметр БДР противопоставляет фемининную и недифференцированную идентичность (узкие при МИФ=1 и широкие – при МИФ=4). При этом репрезентация идеальных бедер сильно заужена по сравнению с репрезентацией реальных бедер ($\chi^2 = 8.713$, $p = 0.013$).

Контраст по параметру БДР отчасти проясняет противоречие, выявленное при сопоставлении результатов корреляционного и факторного анализа. Мы предположили модульный характер влияния МИФ на БДР (при репрезентации ЗИ), что выражается в снижении достоверности связи ПЛ–БДР. Действительно, в отличие от вариативности БДР у ЗР, содержательно более “конгруэнтной” с параметром ПЛ (“маскулинные” и “андрогинные” бедра), у ЗИ выявлена “парадоксальная” вариативность БДР (бедра заужены при фемининной идентичности и расширены при недифференцированной идентичности). Таким образом, несмотря на “схожесть” репрезентаций тела у ЗР и ЗИ, выявлено различие во влиянии гендерной идентичности на общий доминирующий параметр (БДР).

Полученный результат позволяет уточнить исходную гипотезу о различии репрезентаций тела в разных ситуациях. Репрезентация как реальной, так и идеальной зрелой женщины описывается связью ПЛ–БДР. Видимо, можно постулировать существование устойчивой репрезентации реального и идеального тела, основываясь на одних и тех же телесных параметрах. Однако в разных задачах актуализируются разные типы гендера, сопряженные с разной нормой вариативности в отношении параметра БДР.

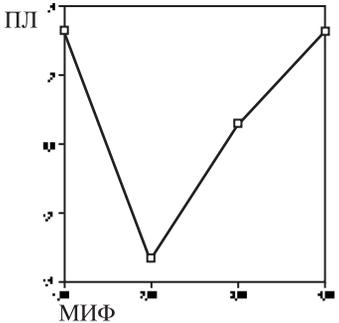
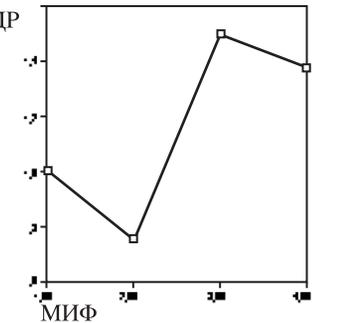
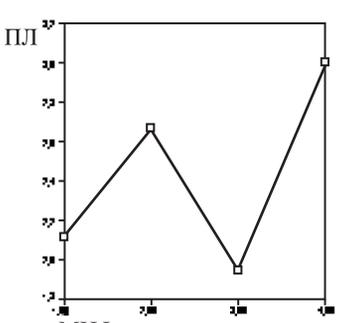
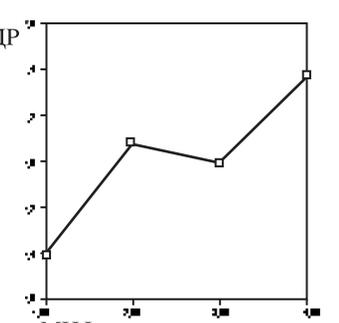
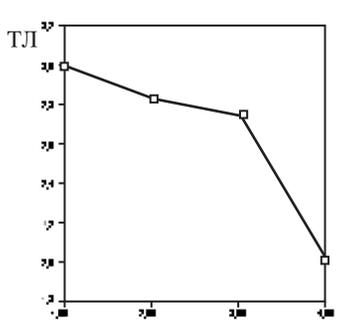
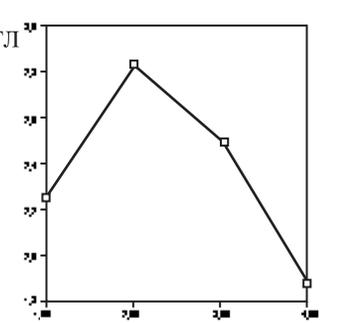
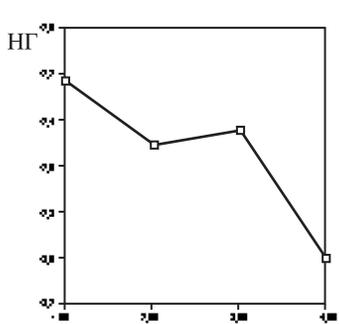
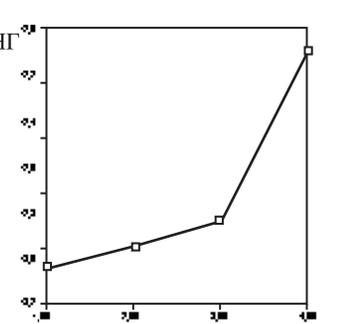
Группа 1	График контраста доминантного параметра	Группа 2	График контраста доминантного параметра
<p>MP <u>ПЛ=НГ</u></p> <p>ПЛ1/ПЛ2 (,000) ПЛ2/ПЛ3 (,055) ПЛ2/ПЛ4 (,000)</p>		<p>ЗР <u>ПЛ=БДР</u></p> <p>БДР2/БДР3 (p=,0478)</p>	
<p>МИ <u>ПЛ=БДР</u></p> <p>ПЛ2/ПЛ3 (,031) ПЛ1/ПЛ4 (,025) ПЛ3/ПЛ4 (,006)</p>		<p>ЗИ <u>ПЛ=БДР</u></p> <p>БДР1/БДР4 (,025)</p>	
<p>МП <u>ПЛ=ТЛ</u></p> <p>ТЛ1/ТЛ4 (,000) ТЛ2/ТЛ4 (,026) ТЛ3/ТЛ4 (,042)</p>		<p>ЗП <u>ТЛ=БДР</u></p> <p>ТЛ2/ТЛ4 (,061)</p>	
<p>МХ <u>ПЛ=НГ</u></p> <p>НГ1/НГ4 (,003) НГ3/НГ4 (,048)</p>		<p>ЗХ <u>БДР=НГ</u></p> <p>НГ1/НГ4 (,058)</p>	

Рис. 3. Факторные решения и доминантные параметры, полученные в результате анализа контрастов для фактора МИФ. Группа 1 – левая часть рисунка, группа 2 – правая. Подчеркнуты признаки, для которых вычислены контрасты (в скобках указана достоверность оценки).

Обратимся к анализу контрастов, объясняющих сходные факторные структуры при репрезентации МР и МХ (главный фактор: ПЛ–НГ). В случае МР выявлены контрасты для параметра ПЛ (для МИФ=1 и МИФ=2 и для МИФ=2 и МИФ=4). При фемининной и недифференцированной идентичности плечи принимают максимальные значения, при маскулинной – минимальные. При репрезентации МХ выявлены контрасты для параметра НГ (при МИФ=1 и МИФ=4 и при МИФ=3 и МИФ=4). Параметр НГ имеет максимальное значение при фемининной идентичности и минимальное – при недифференцированной. Таким образом, несмотря на то, что репрезентации МР и МХ описываются сходными факторными структурами, в первом случае акцентируются ПЛ, а во втором – НГ. Иными словами, сходные факторные структуры в группе 1 (в отличие от группы 2) различаются доминантными параметрами.

Сравним сходные факторные структуры, полученные в идентичных экспериментальных ситуациях в группах 1 и 2.

Репрезентация идеального тела описывается в обеих группах посредством главного фактора ПЛ–БДР. В случае МИ получен контраст по параметру ПЛ (при МИФ=1 и МИФ=4, при МИФ=3 и МИФ=4), а в случае ЗИ – по параметру БДР (при МИФ=1 и МИФ=4). Репрезентация идеальной молодой женщины различается (в зависимости от гендерной идентичности) размером плеч, которые сужаются при фемининной идентичности и расширяются при маскулинной и недифференцированной. Зрелая женщина репрезентирует идеальный образ тела с опорой на БДР, которые заужаются при фемининной идентичности и расширяются при недифференцированной. Иными словами, модуляция ПЛ в группе 1 и БДР в группе 2 (зависимая от гендера) “отвечает” за репрезентацию идеального тела.

Описания ситуаций похудения и пополнения в группах 1 и 2 осуществляются разными факторными структурами, но в обеих группах получены контрастирующие признаки для одних и тех же параметров: в ситуации пополнения – для ТЛ, а в ситуации похудения – для НГ.

Рассмотрим ситуацию пополнения. И в группе 1, и в группе 2 выделен общий “контрастный” параметр – ТЛ. В группе 1 выявлен контраст для трех пар (МИФ=1 и МИФ=4, МИФ=2 и МИФ=4, МИФ=3 и МИФ=4); в группе 2 – только один (МИФ=2 и МИФ=4). Таким образом, в обеих группах при недифференцированном типе идентичности ТЛ принимает минимальные значения. Однако это минимальное значение параметра ТЛ

контрастирует в группе 1 со всеми остальными типами идентичности, а в группе 2 – только с маскулинной идентичностью. По-видимому, можно говорить о подобии ментальных моделей пополнения, хотя обе выборки значимо различаются в репрезентации абсолютных размеров ТЛ. У молодых женщин в ситуации пополнения при фемининной идентичности ТЛ=3.0, у пожилых – ТЛ=2.2. Иными словами, при фемининной идентичности группа 1 (по сравнению с группой 2) больше “полнеет” по параметру ТЛ.

В ситуации похудения получены контрасты для идентичных параметров, а именно для НГ. У молодых женщин параметр НГ имеет минимальное значение при недифференцированной идентичности и максимальное – при фемининной и андрогинной (МИФ=1 и МИФ=4, МИФ=3 и МИФ=4). В группе 2 наблюдается обратная картина: максимальное значение параметр НГ принимает при недифференцированной идентичности и минимальное – при фемининной (МИФ=1 и МИФ=4). Иными словами, обе группы женщин “худеют” за счет параметра НГ, но в группе 1 ноги “худеют” при недифференцированной идентичности, а в группе 2 – при фемининной.

Полученные результаты позволяют говорить о вариативности телесных моделей у разных групп испытуемых. У зрелых женщин в случае совпадения моделей (например, при репрезентациях реального и идеального тела) совпадает и телесный параметр, сопряженный с гендерной идентичностью (т.е. БДР). Видимо, можно говорить о вариативности у этих женщин неизменного параметра (БДР) при репрезентации реального и идеального тела. В группе 1 получено совпадение моделей реального и похудевшего тела, однако эти модели различаются телесными параметрами, сопряженными с гендером (ПЛ и НГ). Образно говоря, женщины группы 2 “используют” сокращенный алфавит моделей и критических признаков по сравнению с женщинами группы 1.

Модели идеального тела совпадают у женщин обеих групп, однако получены разные параметры, сопряженные с гендерной идентичностью (ПЛ – в группе 1 и БДР – в группе 2). Разные телесные модели, описывающие похудевшее и пополневшее тело у женщин групп 1 и 2, совпадают в параметрах, сопряженных с гендером: в ситуации пополнения таким параметром является ТЛ, а в ситуации похудения – НГ.

При планировании исследования мы исходили из предположения о более зрелом (андрогинном) типе идентичности у женщин среднего возраста. Мы полагали, что полученные различия в репре-

Таблица 3. Распределение возрастных групп по типам гендерной идентичности

Возрастная группа	Тип гендерной идентичности				Мода	Энтропия
	андрогинный	фемининный	смешанный	маскулинный		
Группа 1	20	10	3	7	Андрогинный	1.7
Группа 2	8	14	8	10	Фемининный	2

зентации телесности в двух возрастных группах допустимо интерпретировать как “картирование” пути формирования телесной самости (*bodily self*) – автохтонной и не зависящей от социальных влияний. Однако наше исходное допущение не подтвердилось. Хотя распределение объектов по возрасту зависит от их распределения по типам гендерной идентичности ($\chi^2 = 8.6, p < 0.05$), в группе 1 доминирует андрогинный тип идентичности, а в группе 2 – фемининный (табл. 3).

Полученные нами результаты необходимо проверить на иных конструктах (помимо телесной самости). Т.Ф. Кэш (*T.F. Cash*; цит по: [15]) предлагает различать два компонента в образе тела: валентность образа тела (мера важности образа тела для самооценки) и оценка образа тела (удовлетворенность/неудовлетворенность собственной внешностью). Можно предположить, что вхождение большего числа телесных параметров в репрезентативные модели тела в группе 1 (по сравнению с группой 2) свидетельствует о высокой валентности данных параметров.

Данные литературных источников свидетельствуют о том, что телесный опыт развивается в онтогенезе от недифференцированного к структурированному и интегрированному. Мы полагаем, что “аналогом” недифференцированности–дифференцированности являются контрасты (их многообразие и вариативность). Действительно, в группе 2 имеется только две пары контрастов (фемининность–недифференцированность и маскулинность–недифференцированность): при выполнении разных заданий фемининная и маскулинная идентичности противопоставляются недифференцированной. А в группе 1 наблюдается большее разнообразие используемых моделей идентичности. Помимо фемининности–недифференцированности и маскулинности–недифференцированности в группе 1 выявлены контрасты для фемининности–маскулинности, андрогинности–недифференцированности, маскулинности–андрогинности.

Репертуар контрастов, необходимый для дифференциации разных моделей тела (актуализируемых при выполнении разных заданий

и дифференцирующих разные типы гендера), может служить индикатором сформированности “воплощенной самости”. Тогда правомерно заключить, что в группе молодых женщин ментальная репрезентация телесности еще “размыта”, поэтому каждая ситуация (реальное/идеальное/пополневшее/похудевшее тело) актуализирует потенциальное многообразие моделей. В группе зрелых женщин репрезентация тела имеет дефинитивные формы, что выражается как в меньшем количестве контрастов, так и в меньшей вариативности используемых телесных параметров.

Видимо, правомерно говорить не только о разных моделях тела, но и разных телесных признаках, сопряженных с разным типом гендерной идентичности. Полученные результаты позволяют предположить, что телесная репрезентация (телесная самость и воплощенная самость) является комплексом латентных телесных моделей, описываемых через разные профили телесных параметров, которые в свою очередь актуализируют разные гендерные модели.

ВЫВОДЫ

Репрезентация тела различается в двух возрастных группах женщин.

1. Репрезентация реального и идеального тела у женщин среднего возраста описывается фактором ПЛ–БДР. Видимо, можно постулировать существование устойчивой репрезентации реального и идеального тела, основываясь на одних и тех же телесных параметрах. Однако параметр БДР при описании реального тела “разделяет” маскулинную и андрогинную идентичности, а при описании идеального тела он противопоставляет фемининную и недифференцированную идентичности. Это значит, что в разных задачах (реальное/идеальное тело) варьирует неизменный телесный параметр (БДР), актуализирующийся с разным типом гендера или сопряженный с ним.

2. Репрезентация реального и идеального тела у молодых женщин описывается разными моделями.

3. Получены сходные факторные структуры в группе молодых женщин при репрезентации реального и похудевшего тела, однако параметром, зависящим от гендера, в первом случае является ПЛ, а во втором – НГ.

4. Репрезентация идеального тела в обеих возрастных группах женщин описывается сходной моделью (ПЛ–БДР), однако различаются параметры, модулирующие репрезентацию в зависимости от гендера. В группе молодых женщин таким параметром является ПЛ, а в группе зрелых – БДР.

5. Ситуации “похудения” и “пополнения” репрезентируются в двух группах посредством разных факторных структур, но в обеих группах одни и те же параметры модулируют репрезентации в зависимости от гендера: при пополнении таким параметром является ТЛ, а при похудении – НГ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Знаков В.В.* Половые, гендерные и личностные различия в понимании моральной дилеммы // Психол. журн. 2004. Т. 25. № 1. С. 41–51.
2. *Лабунская В.А.* Экспрессия человека: Общение и межличностное познание. Ростов н/Д: Феникс, 1999.
3. *Наследов А.Д.* Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных. СПб.: Речь, 2006.
4. *Пайнз Д.* Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб.: Восточно-Европейский институт психоанализа, 1997.
5. *Смирнова О.В., Магазов С.С., Ребеко Т.А.* Компьютерная методика реконструкции физического “Я”: Материалы Первой российской Интернет-конференции по когнитивной науке / Под ред. А.Н. Гусева, В.Д. Соловьева. 2004. С. 102–107.
6. *Соколова Е. Т.* Соотношение физического Я-образа и самооценки // Самосознание и защитные механизмы личности. Хрестоматия. Самара: Издательский дом “Бахрах-М”, 2000.
7. *Тхостов А.Ш.* Психология телесности. М.: Смысл, 2002.
8. *Хардинг М.Э.* Психическая энергия: превращения и истоки. М.: Рефл-бук, Ваклер. 2003.
9. *Blaise M.A.* A feminist poststructuralist study of children “doing” gender in an urban kindergarten classroom // *Early Childhood Research Quarterly*. 2005. V. 20. N 1. P. 85–108.
10. *Cachelin F.M., Monreal T.K., Juarez L.C.* Body image and size perceptions of Mexican American women // *Body Image*. 2006. V. 3. N 1. P. 67–75.
11. *Cash Th.F.* Body image: past, present, and future // *Body image*. 2004. N 1. P. 1–5.
12. *Fallon E.A., Hausenblas H.A.* Media images of the “ideal” female body: Can acute exercise moderate their psychological impact? // *Body Image*. 2005. V. 2. N 1. P. 62–73.
13. *Frederick D.A., Fessler D.M.T., Haselton M.G.* Do representations of male muscularity differ in men’s and women’s magazines? // *Body Image*. 2005. V. 2. N 1. P. 81–86.
14. *Legrand D.* Le soi corporel. The Bodily Self // *L’Évolution Psychiatrique*. 2005. V. 70. N 4. P. 709–719.
15. *Levine M.P., Piran N.* The role of body image in the prevention of eating disorders // *Body Image*. 2004. V. 1. № 1. P. 57–70.
16. *Pruzinsky T.* Enhancing quality of life in medical populations: a vision for body image assessment and rehabilitation as standards of care // *Body Image*. 2004. V. 1. N 1. P. 71–81.
17. *Rumsey N., Harcourt D.* Body image and disfigurement: issues and interventions // *Body Image*. 2004. V. 1. N 1. P. 83–97.
18. *Samuels A.* The Plural psyche. Personality, Morality, and the Father. L., N.Y.: Routledge, 1989.
19. *Sarwer D.B., Crerand C.E.* Body image and cosmetic medical treatments // *Body Image*. 2004. V. 1. N 1. P. 99–111.
20. *Schaverin J.* Desire and the Female Therapist: Engendered Gazes in Psychotherapy and Art Therapy. L., N.Y.: Routledge, 1995.
21. *Tiggemann M.* Body image across the adult life span: stability and change // *Body Image*. 2004. V. 1. N 1. P. 29–41.
22. *Veale D.* Advances in a cognitive behavioral model of body dysmorphic disorder // *Body Image*. 2004. V. 1. N 1. P. 113–125.
23. *Young-Eisendrath P.* Gender and Contrasexuality: Jung’s contribution and beyond // *The Cambridge companion to Jung* / Eds. P. Young-Eisendrath, T. Dawson. 1997. P. 223–239.

GENDER IDENTITY AND BODY REPRESENTATION IN WOMEN

T. A. Rebeko

*PhD, head of laboratory of psychology and psychophysiology of personality after
N.V. Nebylitsin, Institute of Psychology, RAS, Moscow*

Body representation (real, ideal, thick, thin) in two groups of women of different ages (group 1 – 40 per., $M = 21.8$, group 2 – 40 per., $M = 45.6$) were studied. Computer procedure “My body image” makes it possible to measure on-line corporal parameters (shoulders, waist, hip, legs). Gender identity was measured by means of MIF technique. Dominant factors representing body models of real, ideal, thick and thin body were obtained by means of factor analysis. Analysis of contrasts (bodily parameters were sorted out according to the type of gender identity) was conducted. It is shown that different types of gender identity update in different tasks (in two groups).

Key words: self body image, bodily parameters, gender identity, models of the body (real, ideal, thick, thin).